

В ГОСТЯХ У ГОРЬКОГО

СТРАНИЦЫ
ИЗ НОВОЙ
КНИГИ

Альманах Союза писателей Литовской ССР «Литва литературная», в котором всегда широко представлены художники слова, публицисты, критики, мастера перевода и иллюстраций, пользуется неизменным успехом у читателей. В новом его выпуске выступают с повестями, рассказами и новеллами Ю. Грушас, Р. Кашаускас, С. Шальтянис, И. Кашницкий, К. Воробьев, со стихами — А. Малдонис, Я. Дегути-те и другие литераторы. Здесь же опубликованы исторический очерк о приезде В. И. Ленина в Вильнюс, воспоминания революционера А. Якшевичуса, рассказы о сегодняшней Литве, хроника литературной жизни республики.

Предлагаем отрывок из воспоминаний Б. Сруогз «Максим Горький и литовская литература», публикуемых в альманахе (изд-во «Вага»).

К Горькому Литовский комитет в Петрограде решил направить трех человек: двух маленьких бородачей и меня, длинного, как жердь, парня, не искусственного еще в искусстве бриться.

— А! Литовцы! Давно уже хотел с вами встретиться! — обратилась к нам поднимавшаяся из-за письменного стола высокая, длинноусая фигура.

Все мемуаристы в один голос твердят об умении Горького очаровывать своих слушателей, особенно гостей. Он словно околдовывал, и человек забывал все на свете, восхищаясь только им одним, его улыбкой, сурово мелодичным звучанием его голоса, его мыслями.

Горький был отличным рассказчиком. Образность языка его живой речи поражала своей яркостью и убедительностью, пожалуй, еще больше, чем при чтении его книг. Говорил он с глубокой убежденностью, с душевным подъемом и впечатляющей силой, увлекая за собой своих слушателей. С таким вот воодушевлением Горький и начал говорить о деле, ради которого он нас вызывал к себе.

Горький сообщил нам, что руководимое им книгоиздательство «Парус», главным администратором которого является его личный друг Тихонов, молодой, энергичный человек, собирается издать сборник литературы народов, населяющих Российскую империю.

Далее он сказал, что до сих пор как официальные лица, так и более широкие слои русской общественности, совершенно не зная этих народов, смотрели на них свысока, порою даже с презрением, стремясь ассимилировать их, обрусить. Он, Горький, отлично знает, что народы эти весьма болезненно ощущают такие настроения, что русским они не доверяют и избегают общения с ними, и, таким образом, создается нетерпимое положение как для одних, так и для других. В военное время

особенно возрос национализм, даже шовинизм среди русского населения, который только накаляет обстановку. Горький заверил нас, что демократические слои русской общественности не только не поддерживают такого культурного империализма, но считают его очень вредным.

Ныне, по словам Горького, наступают другие времена, совсем другие ветры повеяли — предвестники новой эры. И вот для этой новой эры потребуются новые люди, которые смогут вынести на своих плечах всю тяжесть созидательного труда.

Народы России, говорил Горький, унижены и поруганы, однако ничуть не лучше и судьба самого русского народа, его широких масс. И тут, в его низах, та же темнота и нищета, то же закабаление и, по существу, крепостничество. Все народы Российской империи находятся в одинаково бедственном положении, и все они лишь сплоченными силами смогут добиться освобождения и заложить основу более светлему будущему.

Для достижения этой единой цели, говорил далее Горький, угнетенным народам надо в первую очередь познать друг друга. Надо познакомиться с культурными ценностями каждого из них, со стремлениями и чаяниями, которыми они живут. Наиболее ярко все это выражает национальная литература. Поэтому-то он, Горький, и хочет литературу каждого народа сделать доступной для других народов, его издательство «Парус» должно как бы стать посредником между народами. Это будет

иметь большое значение во многих отношениях.

Ему самому, говорит он, знаком, например, превосходный литовский фольклор, но многим ли русским он известен? А между тем народ, создавший такой богатый фольклор, несомненно обладает большими творческими способностями. Правильность этой мысли подтверждают известные ему чудесные творения Чюрлениса и Балтрушайтиса. Надо, по его мнению, только расшевелить творческие силы литовского народа, и он поразит мир больше, чем в свое время норвежцы.

Горький и хочет пробудить у народов России их живые, творческие силы, которые, все вместе взятые, создали бы такую мощь, которая смогла бы не только противостоять национализму реакционных русских кругов и заклеить позором их черносотенный шовинизм, но и оставила бы свой глубокий след на новом государственном строе. Поэтому и в задуманных им сборниках национальных литератур он не ограничится материалами одной лишь художественной литературы. Потребуются еще две статьи. Одна из них должна быть посвящена развитию национальной литературы, а вторая — истории народа. Последняя должна показать исторический, общественный и социальный путь развития данного народа, должна отразить его политические чаяния.

Всеми этими мыслями Горький и поделился с нами. Возможно, не все они здесь точно воспроизведены: ведь разговор происходил очень давно, многое уже выветрилось из памяти. Горький говорил долго и хорошо, горячо и заразительно. — все это сейчас уже невозможно восстановить.

И еще. Горький нас видел впервые. Но он как-то проникся доверием к нам. Проявленное им доверие еще больше подкупило и воодушевило нас, углубило наше уважение к нему.

